

ВАСИЛИЮ Владимировичу Быкову, известному, широко читаемому советскому писателю, исполнилось 60 лет. Встретился я с ним в Минске за месяц до юбилея. В первый день долго беседовали. Посетили Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. Прошли по городу. На второй день Василь Владимирович предложил съездить в Хатынь. Сам сел за руль автомобиля. Машину вел сосредоточенно (как, по-моему, делает он все, а кроме того, все же не профессиональный водитель), но беседе это не мешало.

Каков он, писатель и человек В. Быков? Немногослловный, спокойный, уверенный... Поразил он меня точностью, выверенностью суждений, внутренней твердостью, убежденностью. Почувствовалось, такого со своего не столкнешь, в любой хитроумной полемике не запутаешь, легковесными аргументами не переубедишь. Белорусское упорство? Возможно. Но и опыт жизни, закалка воина и литератора, в течение уже тридцати лет пером художника отстаивающего свои взгляды на, может быть, главные проблемы нашего существования. О себе говорит: я не философ, не мыслитель, я практик. Когда я попытался порассуждать о романтических тенденциях в творчестве В. Быкова, он вежливо, но твердо отвел мои «литературоведческие изыскания». Убежденный реалист. Уже позже, распровавшись с Василием Владимировичем, я обнаружил, что не задавал ему несколько «стандартных» вопросов. Но тут же сообразил, что ответы на них можно «вычислить» из других его приводимых здесь суждений. Как относиться к славе? Скорее всего, равнодушно. Над чем сейчас работаете? Конечно же, над очередной повестью о войне. По сколько часов в день пишете? Когда встаете? А так ли уж это важно. В первых, день на день не приходится. Во-вторых, главное — результат...

Впрочем, не берусь более судить о Василе Быкове. Чтобы понять, глубоко узнать его, мало трехдневного общения. Пусть за себя говорит сам писатель.

— Василь Владимирович, почему вы не пишете или почти не пишете о мирной жизни, о наших днях? Разве это не странно — в течение тридцати лет все о войне да о войне? Скажем, Лев Толстой много лет посвятил «Войне и миру», но в основном-то писал о современной ему жизни. Есть ли все-таки у вас, возникало ли когда-нибудь желание написать о сегодняшнем дне и современных проблемах? Конечно, я понимаю — когда В. Быков пишет о войне, это не только о войне. Не зря у вас во многих повестях — «Волчий стаг», «Обелиск» — день нынешний и день минувший словно бы переключаются или война преследует в обрамлении сегодняшних событий. Но все равно тема этих книг — война. Точка отсчета, нравственное исчисление норм поведения человека — там, на войне... А может, вы о войне пишете потому, что те проблемы, которые вас волнуют, вы не решаетесь почему-либо решить на современном материале?

— Вся суть в том, что я еще не освободился от груза воспоминаний, почерпнутых в годы войны. Не знаю, что тому причиной — или я эти впечатления реализую недостаточно, или, может быть, вся наша литература и искусство проходят мимо многого, значительного, что было в минувшей войне и что пока еще не замечается, художественно не освоено. А может, происходит естественное мое художественное углубление в тему. С каждой вещью мне открываются все новые стороны войны и соответственно все новые возможности для ее изображения. К тому же, если фронтную войну я писал уже давно, то партизанская война, жизнь на оккупированной территории для меня открылась сравнительно недавно. И я увидел там пропасть важного и значительного по части человеческих отношений, психологии, поведения человека. И, наконец, разнообразия форм методов борьбы с оккупантами. Я взялся за эту тему только после того, как она, по крайней мере в белорусской литературе, считалась уже исчерпанной. Многие из прозаиков, которые писали о партизанской войне, к тому времени перешли к другим темам — в том числе современным, и тема войны в некотором смысле оказалась в литературе уходящей в прошлое. Фигурально выражаясь, я подобрал у них из-под ног то, что ими было уже, казалось, исчерпано...

Конечно, это не значит, что тема закрыта и ею уже никто не интересуется. Выходят новые книги — А. Адамовича, В. Козьмо, А. Гусарова. И это лишь укрепляет мое мнение в неисчерпаемости этой темы.

«МНЕ ОТКРЫВАЮТСЯ ВСЕ НОВЫЕ СТОРОНЫ ВОЙНЫ...»

— Однако существует мнение, что вы уже выработали свою тему — человек в описании или партизанской землянке, испытание его трагическими обстоятельствами на войне. Хотя А. Адамович, помнится, в одной из статей в «Литературной газете» доказывал обратное, утверждая, что вы всего лишь верны теме и правде. Тем не менее стереотипы в изображении определенных конфликтов, обстоятельств, использование одной, пришедшей когда-то успех интонации тем или иным писателем, на мой взгляд, присутствуют в современной прозе. И так, как вы относитесь к мнению, что вы повторяетесь?

— Это поверхностный взгляд. Я стараюсь не повторяться в самом главном — в образах и конфликтах. Что касается времени действия, каких-то бытовых мелочей, то в известной степени они, конечно, переходят из повести в повесть. И в этом отношении разнообразить их довольно сложно, а может быть, и не нужно. Потому что война — это четыре очень определенных года в жизни человека, со всем комплексом его чувствований, переживаний, реалий и деталей быта. Все это очень определенное.

— Мне кажется, что опровержением мнения о том, что В. Быков повторяется или топчется на месте, может служить повесть «Знак беды». Помимо того, что содержание ее нетрадиционно для В. Быкова, — показан значительный социальный срез из довоенного времени, в изобразительной структуре повести также немало нового, обусловленного определенными современными литературными тенденциями. Налицо выразительная символика: усадьба Петра и Степаниды — Голгофа, опаленная ракета — некий знак беды... Слово бы повеяло некоторой «мифологизацией» образов, характеров, обстоятельств, волей-неволей уподобленных вечным конфликтам и типам, при всей, разумеется, реалистичности изображения, его обращенности к наше время.

— Ретроспективная, по отношению к военному времени, часть в этой повести — период, который раньше действительно мною не затрагивался. Это время — переломное в истории жизни народа, сравнимое разве что с самыми кардинальными, революционными изменениями в крестьянской среде. Какой-то частью оно присутствовало в моем личном опыте по воспоминаниям детства. И вот мне захотелось связать войну с предшествующим периодом. Показать истоки как героизма, так и под-

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

О присвоении
звания Героя
Социалистического
Труда писателю
Быкову В. В.

За большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с шестидесятилетием со дня рождения присвоить писателю Быкову Василию Владимировичу звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
К. ЧЕРНЕНКО.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАВИЛИ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
18 июня 1984 г.

Василь БЫКОВ.

лости, проявившиеся в годы войны, потому как и то, и другое — не случайно и обусловлено глубокой причинностью. Не знаю, насколько повесть получилась органичной, но во всяком случае автор стремился к этому.

— Но вы обходите молча-нием последнюю часть моего вопроса — о символике и мифологизме.

— В отличие от предшествующих моих вещей, где действие происходит в течение одних-двух суток, здесь взята народная жизнь в исторической протяженности. И действуют удивительные народные характеры, типы, образы, со всем комплексом их верований, христианской и языческой символикой.

— Судя по краткости вашего ответа, эта сторона творчества вас особенно не увлекает. И все же, как вы относитесь к романтическому стилю, столь распространенному в современной советской многожанровой литературе, но, кажется, не в белорусской. Возможен ведь и героический романтизм, и всякого рода условные формы, тесно связанные с романтическим методом или стилем при изображении человека в разных обстоятельствах, в том числе и на войне. Скажем, «Василий Теркин» куда как реалистическое произведение, но глава «Смерть и война» по форме условна, а как здесь все играет, как укрывается характер, образ, и сам герой словно вырастает в мифического богатыря. Не потому ли он и стал воплощением национального характера, с его удалью, беззаветной храбростью, умением не теряться в самых фантастических обстоятельствах. Может быть, такого героя не хватает нашей прозе, в том числе и военной.

— Если вы так уж «открываетесь» от романтизма, каким же образом в «Послужном списке» писателя В. Быкова оказалась повесть «Альпийская баллада», где даже само название говорит за себя? Разве баллада — не романтический жанр? И разве так уж невозможно у В. Быкова возврат к романтической прозе?

— У Быкова возврат к романтической прозе невозможен. К тому же «...Баллада», о которой вы говорите, — в такой же степени романтическая, сколь и реалистическая повесть, писавшаяся молодым автором, о молодом чувстве да еще на фоне почти курортном. Таким обра-

зом, она и обрела черты полуромантического произведения.

— Хорошо. Тогда возьмем пример из творчества другого писателя, наверняка вам близкого, — Виктора Астафьева. Его «Пастух и пастушка» с трагическим, но одновременно и возвышенно-романтическим (тема любви Костяева и Людмилы) взглядом — разве это не новаторское произведение, не шаг вперед в творчестве писателя, не что-то новое в изображении войны в нашей литературе?

— Высоко ценю «Пастуха и пастушку». Автор там сумел свести воедино, казалось бы, несводимое — любовь и войну. И, может быть, в начале своего творчества, когда был помоложе, я бы и рискнул написать нечто похожее. Но не теперь. Сегодня я перерос, если можно так сказать, подобный взгляд на эти вещи.

— Я привел пример «Пастуха и пастушки» для того, чтобы подчеркнуть, как важно писателю время от времени менять интонацию. Писатель ведь тоже во многом актер, волею или неволею (если он подлинный художник) он перевоплощается в своих героев, и на подмостках истории каждый раз вместе с новыми персонажами играет новую роль. Помните рассказ Даниила Гранина «Ты взвешен на весах...» о художнике, под старость сменившем свое имя и решившем начать все сначала — без званый и регалий. Очень мудрый и многозначительный рассказ. Так вот, интонация, на мой взгляд, в писательском творчестве — великое дело. Сменить интонацию для писателя все равно что сменить имя, родиться в новом качестве. Помогает в этом, как мне кажется, обращение к новому материалу, либо художественный эксперимент, либо творческое освоение опыта классиков. Мне кажется, что, когда вы писали повесть «Пойти и не

вернуться», что-то такое преследовало и вас. Дух Достоевского где-то витал над вашим столом...

— Витать-то, может, и витал — и Достоевского, и Толстого. Только вот приблизиться к этим гигантам невероятно трудно. Тут вот в чем дело. Хотя силовое поле идей этих писателей привлекает, но в то же время и отталкивает — несоизмеримостью гения, потому как великие находятся на слишком большой высоте и творят в собственном, созданном ими мире, который можно наблюдать со стороны, принимать или не принимать, но проникнуть в который дано далеко не каждому из смертных. В их художественных мирах свои законы и правила, ими самими установленные. Зачастую они непостижимы, вызывают восхищение или уважение и убеждают любого художника в той непреклонной истине, что для творчества ему необходимо обрести свой собственный художественный мир. Мир, сообразный собственному мировоззрению и мироощущению.

— Критик Н. Дедков в своей книге о вас пишет, что вы «писатель аскетической художественной формы». Мне же кажется, что в последних вещах — «Пойти и не вернуться», «Знак беды» — заметно углубление психологизма при описании состояния героев, так сказать, «увеличение» психологических ухищрений. Нет ли здесь попытки приближения к роману? И вообще, почему вы пишете только повести, ушли от рассказов? Жанр — это важно для писателя или нет?

— Аскетичность моя происходит от малоопытности, неразработанности стиля, который со временем развивался, усложнялся. Конечно, я не сторонник многословия, чем страдают мно-